

К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

28 марта исполняется 81-я годовщина со дня рождения великого русского писателя, основоположника советской литературы — Алексея Максимовича Горького.

В связи с этой датой «Правда» начинает сегодня печатать ряд произведений А. М. Горького — 25-ю главу повести «Мать» (напи-

сана в 1907 г.), памфлет «Город Желтого Дьявола» (1906 г.), рассказ «Кирилка» (1899 г.), памфлеты «Один из королей республики» (1906 г.) и «Жрец морали» (1906 г.), а также публицистическую статью «С кем вы, «мастера культуры?»» (1932 г.).

М. ГОРЬКИЙ

Из повести «Мать»

XXV

В сенях кто-то громко завозился. Они оба, вздрогнув, взглянули друг на друга.

Дверь отворилась медленно, и в нее грубо вошел Рыбин.

— Вот! — поднял голову и улыбаясь, сказал он. — Нашего Фому тянет ко всему — ко хлебу, к вину, кланяйтесь ему!..

Он был одет в полуշубку, зашитый летом, в лапти, за поясом у него торчали рукины и на голове мокнатая шапка.

— Здорово ли? Вспыхнула тебе, Павел? Так. Каково живешь, Ниловна? — Он широко улыбался, показывая белые зубы, голос его звучал мягко, чеки ранние, лицо у него заросло бородой.

Мать образовалась, подошла к нему, жала его большую черную руку и, вдыхая здоровью, крепкий запах лягти, говорила:

— Ах, ты... ну, я рада...

Павел улыбнулся, разглядывая Рыбина.

— Хорош мужичок!

Медленно раздеваясь, Рыбин говорил:

— Да, опять мужиком задался, мы в господа, помадильте, выходите, а я — пазад бородашась... вот!

Одергивая пестрядинную рубаху, он прошел в комнату, окликнув ее внимательным взглядом и заявил:

— Имущество не прибавилось у вас, видать, а китеже больше стало, — так! Ну, скаживайте, как дела?

Он сел, широко расставив ноги, уперся в колено ладонями и, вопросительно опуская Павла темными глазами, добродушно улыбаясь, ждал ответа.

— Дела идут бойко! — сказал Павел.

— Нашим да сеем, хвастать не умеем, а урожай соберем — сварим бражку, ложем в ляжку — так? — багрунул Рыбин.

— Как вы живете, Михаил Иваныч? — спросил Павел, садясь против него.

— Ничего. Ладно живу. В Египетские пристанивались, слыхали — Египетские?

Хорошее село. Две ярмарки в году, жителей более двух тысяч, — зной народ! Земли нет, в уделе арендуют, плохая землишка. Порядится я с батраками к одному миру — там их как мух на мертвом теле. Детоть горим, угорь живут. Получаю за работу вчетверо меньше, а спину ломают вдвое больше, чем здесь, — вот! Семеро нас у него, в деревне. Ничего, — народ все молодой, все тамошние, кроме меня, — грамотные все. Один парень — Ефим, такой ярый, беда!

— Вы что же, беседуете с ними? — спросил Павел оживленно.

— Не мочу. У меня с собой захвачены все земные листочки — трицать четырех их. Но я больше Библей действую, там есть что взять, книга толстая, казенная, сию печатал, верить можно!

Он подмигнул Павлу и, усмехаясь, продолжал:

— Только этого мало. Я к тебе за книжками явился. Мы тут вдвоем, Ефим этот со мной, — деготь волини, ну, дали кроку, заехали к тебе! Ты меня снабдил книжками, Павел Ефим не пришел, — ему лишнее много знать...

Мать смотрела на Рыбина и ей казалось, что вместе с пиджаком он снял с себя еще что-то. Стал менее солиден, и глаза у него смотрели хитрее, не так открыто, как раньше.

— Мама, — сказал Павел, — вы сходите, присенитесь книг. Там знает что дать. Скажите для деревни.

— Хорошо! — сказала мать. — Вот смахов поспешил и — и скажу.

— И ты по этим делам попла, Ниловна? — усмехаясь спросил Рыбин. — Так. Охотники до книжек у нас много там. Учителей приносят — говорят, парень хороший, хотя из духовного звания. Учителя тоже есть, верстах в семи. Ну, они запрещенные книги не действуют, народ кашенный — болта. А мне требуется запрещенная, острая книга, я под их руку буду подкладывать... Коли становой или поп увидят, что книга то запрещенная, подумают — учитель сенят! А я в сторонке, до времени, как раны...

И доволен свой мудростью, он весело оскалил зубы.

— Ишь ты! — подумала мать. — Смотришь медведем, а живешь лисой...

— Как вы думаете, — спросила Павел, — если заподозрят учителей в том, что они запрещенные книги раздают — посадят в острог за это?

— Посадят, — а что? — спросил Рыбин.

— Вы давали книжки, а — не они! Вам и острог итти...

— Чуда! — усмехнулся Рыбин, хлопая рукой по колену. — Кто на меня подумает? Простой мужик этаким делом занимается, разве это бывает? Книга дело господское, им не зел и отвечать...

Мать чувствовала, что Павел не понимает Рыбина, и видела, что он прищурил глаза — значит, сердится. Она осторожно и мягко сказала:

— Михаил Иванович так хочет, чтобы он дело делал, а на расправу за него дружие шли...

— Вот! — сказал Рыбин, глядя бородой.

— Мама! — сухо окликнул Павел.

Если кто-нибудь из наших, Андрей, примирился, сделает что-нибудь под мою руку, а меня в тюрьму посадят — ты что скажешь?

Мать вздрогнула, недоуменно взглянула на сына и сказала, отрицательно качая головой.

— До времени...

— Пора! — с улыбкой ответил тот.

Только — трую! Надо знать, что говорит солдат — как сказать...

— Погуляем — сумеем! — сказал Ефим.

— Если начальство на этом поймет —

расстrelять может! — закончил Павел, с любопытством глядя на Ефима.

— Оно — не помилует! — спокойно сказала парень и снова начал рассматривать книгу.

— Чай, Ефим, скоро ехать! — заметил Рыбин.

— Сейчас! — отозвался парень и снова спросил:

— Революция — бунт?

Пришел Андрей, красный, распаренный и угрюмый. Моля поклон руку Ефима, сел рядом с Рыбиными и, оглянув его, усмехнулся.

— Что не весело смотрин? — спросил Рыбин, ударив его ладонь по колену.

— Да так, — ответил хохол.

— Тоже рабий? — спросил Ефим, кивая головой на Андрея.

— Тоже! — ответил Андрей. — А что?

— Он первый раз фабричных видит! — обяснил Рыбин. — Народ, говорит, особенный...

— Чем? — спросил Павел.

Ефим внимательно осмотрел Андрея и сказал:

— Поступь у вас острым. Мужик круглес костью...

— Мужик склоннее на ногах стоит! — добавил Рыбин. — Он под собой землю чувствует, хоть и нет ее у него, но он не чувствует — земли! А фабричный — вроде птицы: роинки нет, дома нет, сегодня здесь, завтра там! Его и баба к месту не привязывает, что что — прошмыг, милая, в боте вилами! И пошел искать, где лучше. А мужик вокруг себя хочет сделать лучше, не сходя с места. Вон мати пришла!

Ефим подошел к Павлу, спросил:

— Может, дадите мне книжку какую-нибудь?

— Пожалуйста! — охотно отозвался Павел.

Глаза парня жадно вспыхнули, и он быстро заговорил:

— Я ворочу! Напиши тут по близости деревни, волы, или и привезут.

Рыбин, уже одетый, тут подпоясаный, сказал Ефиму:

— Едем, пора!

— Вот, почитай а! — восхлипнула Ефим, указывая на книгу и широко улыбаясь.

Когда они ушли, Павел оживленно восхлипнул, обращаясь к Андрею:

— Видел чертей?

— Да-а! — медленно протянул хохол.

— Как тучи...

— Михаило-то? — восхлипнула мать.

Будто и не жил на фабрике, совсем мужиком стал! И какой страшный!

— Жаль, не было тебе! — сказал Павел Андрею, который хмуро смотрел в свой прогорклый чай, сидя у стола. — Вот посмотрел бы на игру сердца, — там все сердце...

— Пожалуйста! — охотно отозвался Павел.

Глаза парня жадно вспыхнули, и он быстро заговорил:

— Я ворочу! Напиши тут по близости деревни, волы, или и привезут.

Рыбин, уже одетый, тут подпоясаный, сказал Ефиму:

— Едем, пора!

— Вот, почитай а! — восхлипнула Ефим, указывая на книгу и широко улыбаясь.

Когда они ушли, Павел оживленно восхлипнул, обращаясь к Андрею:

— Видел чертей?

— Да-а! — медленно протянул хохол.

— Как тучи...

— Михаило-то? — восхлипнула мать.

Будто и не жил на фабрике, совсем мужиком стал! И какой страшный!

— Жаль, не было тебе! — сказал Павел Андрею, который хмуро смотрел в свой прогорклый чай, сидя у стола. — Вот посмотрел бы на игру сердца, — там все сердце...

— Пожалуйста! — охотно отозвался Павел.

Глаза парня жадно вспыхнули, и он быстро заговорил:

— Я ворочу! Напиши тут по близости деревни, волы, или и привезут.

Рыбин, уже одетый, тут подпоясаный, сказал Ефиму:

— Едем, пора!

— Вот, почитай а! — восхлипнула Ефим, указывая на книгу и широко улыбаясь.

Когда они ушли, Павел оживленно восхлипнул, обращаясь к Андрею:

— Видел чертей?

— Да-а! — медленно протянул хохол.

— Как тучи...

— Михаило-то? — восхлипнула мать.

Будто и не жил на фабрике, совсем мужиком стал! И какой страшный!

— Жаль, не было тебе! — сказал Павел Андрею, который хмуро смотрел в свой прогорклый чай, сидя у стола. — Вот посмотрел бы на игру сердца, — там все сердце...

— Пожалуйста! — охотно отозвался Павел.

Глаза парня жадно вспыхнули, и он быстро заговорил:

— Я ворочу! Напиши тут по близости деревни, волы, или и привезут.

Рыбин, уже одетый, тут подпоясаный, сказал Ефиму:

— Едем, пора!

— Вот, почитай а! — восхлипнула Ефим, указывая на книгу и широко улыбаясь.

Когда они ушли, Павел оживленно восхлипнул, обращаясь к Андрею:

— Видел чертей?

— Да-а! — медленно протянул хохол.

— Как тучи...

— Михаило-то? — восхлипнула мать.

Будто и не жил на фабрике, совсем мужиком стал! И какой страшный!

— Жаль, не было тебе! — сказал Павел Андрею, который хмуро смотрел в свой прогорклый чай, сидя у стола. — Вот посмотрел бы на игру сердца, — там все сердце...

— Пожалуйста! — охотно от

